

М. Б. Пиотровский¹

МИГРАНТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Мир с увлечением и беспокойством обсуждает проблему мигрантов. Правда не весь мир, а Европа и Россия. И часто не столько с беспокойством, сколько с истерией. Мигрантов делят на легальных и нелегальных, а точнее и честнее — на желанных и нежеланных. Водоразделы очень сложны и неясны. А главное — меняются со временем весьма серьезно. Сегодня мало кому нужны столь привечаемые некогда политические беженцы из Советского Союза или богатые родственниками гастарбайтеры из Турции. Только США, на поверхности ужесточающие все правила въезда в свою страну, продолжают строить всю политику своего развития в будущем на «свежей крови», влитой мигрантами. Именно они помогли Америке выскочить из жестокого политического и международного кризиса, избрав нового президен-

та нового типа. Что-то подобное попыталась сделать и Франция. Россия, правда, сделала это много раньше, но с сомнительным успехом.

Права не пускать, не допускать, изгонять со своих территорий «чужих» людей кажутся и представляются сегодня как нечто естественное и само собой разумеющееся. В действительности, однако, это вовсе не так. Моральности в этом праве не больше, чем в рудиментарных таможенных обычаях, когда сидящий на проезжей дороге разбойник взимает со всех проходящих пошлину просто по праву сильного и в правильном месте устроившегося. Его прямыми преемниками являются не только сомалийские пираты, но и, к примеру, знаменитая своей самостоятельностью нью-йоркская таможня. Сегодня, когда эпоха национальных государств в целом сходит на нет даже в Европе, неприменность права отказывать или миловать мигрантов ощущается как-то не очень уверенно.

В пылу полемики и политических сражений осознанно или неосознанно остается в стороне культурная сторона миграций и роль мигрантов не просто в жизни стран, в которых они поселились, но и в жизни тех стран, которые они покинули. США с их «плавильным котлом» показывают не только прекрасный и нового качества сплав, но и демонстрируют нам живой диалог культур. Его культурная составляющая почти никак не страдает от политических или юридических обострений. Ни борьба за или против прав

¹ Член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор. Автор более 200 научных работ: «О мусульманском искусстве», «Исторические предания в Коране», «Коранические сказания», «Сверхмузей в эпоху крушения империи (музей как фактор эволюции)», «Мусульманское искусство: между Китаем и Европой», «Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле», «Южная Аравия в раннее Средневековье. Становление средневекового общества» и др.

Заместитель председателя Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, председатель Конгресса петербургской интеллигенции. Председатель Союза музеев России, главный редактор журнала «Христианский Восток», председатель попечительского совета Европейского университета в Петербурге.

чернокожих, ни борьба с итальянской или колумбийской мафией не мешают диалектическому вхождению африканских, итальянской, испанской, латиноамериканской, китайской, корейской культуры в культуру именно американскую, всех их синтезирующую. В то же время мигранты из разных стран становятся мостом для культурного влияния и диалога Америки с их странами-источниками.

Явление миграции — часть мирового процесса во все века. Миграция распространила род человеческий по Земле. Миграция не очень зависит, по большому счету, от субъективных желаний людей и народов. Уже одно это должно утихомирить страсти и психозы, которые начинают по этому поводу бушевать. Однако более интересно посмотреть на то, как и из чего складывается механизм участия мигрантов в диалоге культур и как в нем участвуют культурные институты стран-хозяев и народов-гостей.

Попробуем отвлечься от той эксплуатации чужого и дешевого труда, ради которой мигрантов с распростертыми объятиями допускали в страны Европы и которая вдруг сейчас стала отнимать у местных жителей работу, недавно еще для них неприемлемую. Из этой экономики исходит сильное обострение отношений, способное привести к серьезному взрыву. Около этой экономики находится культурный конфликт — они не желают подчиняться нашим культурным правилам и кодам, навязывают нам свои обычаи и правила.

Отвлечься можно только условно, но эта условность помогает многое увидеть в сфере культуры. Вспомним, как обогатилась европейская и российская кухня именно благодаря мигрантам. Лучшие китайские, корейские, кавказские, русские рестораны открывались для своих соотечественников, и сегодня спрос коренных носителей кулинарных традиций во многом определяет разнообразие еды в мире. Оглянемся на то, какое влияние оказали манеры жителей Востока на высокую и повседневную моду. Это и индийские одежды и ткани, и женские брюки-«шальвары», и различные платки. Напомним, кстати говоря, что обычаем покрывать голову у женщин вовсе не чисто мусульманский. Благочестивые и приличные христианки еще недавно все покрывали голову и носили длинные платья. Несколько лет назад в Эрмитаже проходили две знаменитые выставки — православного искусства и мусульманского. Обе выставки вызвали большой интерес не просто музейной аудитории, но и простых людей, причастных к данным культурам. Так и шли по Зимнему дворцу два потока женщин в длинных платьях и головных платках — православные и христианки. Во Франции уже давно выходцы из арабского Алжира и Марокко признаны успешными французскими писателями. А Сальман Рушди еще и до своих скандальных «Сатанинских стихов» был одним из самых популярных в Великобритании писателей. Остается он таким и сегодня, при этом представляя на английском языке традицию и культурную память Индийского субконтинента. Нет нужды составлять длинные списки тех примеров, когда мигранты вносят часть своей культуры в общее достояние культуры Европы. Происходит это и на уровне интеллигенции, и на бытовом уровне.

Жизнь стран, где селятся мигранты, становится разнообразнее своим внешним видом, бытом, культурой. Мигранты приносят с собой возможность приобщения к далеким и экзотическим культурам, будь то буддизм, или кришнаизм, или даже тайные культы африканцев. Экзотика (музыка, идеи, быт) поначалу радует глаз и слух образованной части жителей стран-хозяев разнообразием, вызывает интерес, оказывается созвучной демократическим идеям мультикультурализма. Мир действительно начинает ощущать, что разнообразие прекрасно.

Однако механизму чудного диалога культур противостоит психологическая модель гетто. Напомним, что эта модель рождается не столько преследованиями, сколько стремлением сохранить свои традиции, свою национальную или культурную идентичность. И тут вместо диалога начинается противостояние. Оно не абсолютно. Культура гетто осваивает многое из культуры страны-хозяина. Она также видоизменяет свою культуру, учитывая обычаи соседей и ища способы жить вместе. Примером тому является так называемый «европейский ислам», явление, на мой взгляд, более культурное, чем религиозное. Оно предполагает отказаться от некоторых обычаев ислама, неприемлемых для европейцев именно с культурно-этической точки зрения, таких, например, как жестокие наказания с телесными увечьями. Другой пример из совершенно бытовой области — ухищрения модельеров во Франции и Турции, создающих модели женской одежды, как бы не нарушающие бытовые запреты исламского общества, но не мешающие женщине быть кокетливой и привлекательной. Однако гетто — это, прежде всего, изоляция. Исторически эта тенденция нарастает даже в культурно сверхмобильной Америке. Начинается то противостояние обычаев и культур, которое мы видим сегодня. Оно — часть внутренней жизни многих стран. Оно же — часть мирового процесса, совмещающего противоположные тенденции.

Мигранты — порождение глобализации. Именно она делает перемещения «рабочей силы» и «представителей чуждых культур» по всему миру явлением обычным и естественным. Потому его и трудно пресечь, когда ксенофобы вдруг просыпаются. Мигранты в условиях глобализма оказываются ответом на культурную и экономическую глобальную экспансию Запада. Растущее и сохраняющее или не сохраняющее свою самобытность арабское население Европы во многом выглядит как мирный ответ на Крестовые походы. Напомним что крестоносцы, европейские военные мигранты в Палестину, тоже сохраняли свою самобытность и частично ассимилировались с местным населением. Кстати говоря, и в европейской колонизации можно обнаружить многие черты того же порядка — пришельцы в чужие страны со своими обычаями, но готовые до определенного предела приспосабливаться. Колонизация тоже была одним из исторических механизмов диалога культур, так же как и войны (но не такие кровопролитные, как в XX в.). Современные мигранты неразрывно связаны с сегодняшней глобализацией. Это новые переселения народов, и для культуры человечества они имеют более интересные

результаты, чем борьба за рабочие места или рост влияния расистских политических партий. Глобализация проходит через испытание культурой. Она включает в работу несколько механизмов: механизм ассимиляции пришельцев и их вхождение в культурный мир страны-хозяина, механизм отторжения культуры страны-хозяина и механизм реакции на культуру пришельцев, механизм передачи элементов культуры Европы в страны-источники через семьи мигрантов. Этот последний механизм имеет огромное значение. Европеизация Турции, стран Магриба, Филиппин и других во многом является результатом долгого или постоянного пребывания тысяч сородичей в европейской среде. Само собой разумеется, что это тоже встречает отторжение. Но в результате всех этих схождения и отторжений возникает новая культурная ситуация, порождающая новые культурные, и не только культурные, явления и новый культурный продукт. Кстати говоря, радикальные исламские течения вовсе не являются неким возрождением Средневековья. Напротив, они и есть порождение этих процессов взаимного отторжения и взаимного усвоения ряда культурных механизмов. «Аль-Каида» является современным ответом на современные вызовы. Она представляет собой институт, выдающий «гранты» членам из списка известной «базы данных» (это и есть значение слова «аль-каида».) Смертницы-мстительницы на Северном Кавказе знакомятся со своими мужьями-боевиками по Интернету. И тут дело вовсе не в освоении техники. Это — освоения менталитета новых бытовых и культурных навыков. Женщины сами ищут себе партнеров!

Кризис виртуальной банковской системы на Западе в 2009 году вызвал серию выступлений мусульманских публицистов, напоминавших о достоинствах мусульманской банковской системы. Коранический запрет на ростовщичество (он, впрочем, существовал и в христианстве) породил систему кредитования и финансирования, где тщательно прописана обязанность инвестора быть партнером «зайщика» и делить с ним риски. Ответом в диалоге культур на финансовой почве являются венчурные капиталы и хедж-фонды, где инвесторы рискуют не меньше, а порой и больше партнеров.

Мигранты в Европе и в России напоминают, иногда и в очень резкой форме, о такой древней ценности, как семья и семейные узы. Они терпят всеческие мучения и тяжкий труд ради своей семьи на родине, делают все возможное, чтобы привезти к себе родственников, идут на всяческие нарушения и отказываются от ассимиляции ради своих семей и под их влиянием. Забота о родителях, желание уберечь от забот и чужих взглядов своих женщин, готовность пожертвовать всем ради образования детей. Эти ценностные ориентации сегодня более присущи общинам мигрантов, чем «аборигенов». Частые конфликты остро напоминают об этом и как бы заставляют западное общество «очнуться», переоценить себя, осознать, что, гордые технологическим прогрессом, мы многое теряем или уже потеряли. Мигранты своим существованием, мирным или немирным отличием напоминают об этом. Полагаю, что это действует на наше общество благотворно.

Еще одна особенность жизни мигрантов выглядит поучительно для принявшего их общества. Это высокий уровень религиозности и приверженности религиозным традициям. Речь идет не только о мусульманах. Высокая набожность, к примеру, характерна для мигрантов-филиппинцев. Традиционные верования хранят и лелеют китайцы, корейцы, многие африканцы. На фоне падения формальной религиозности, пустующих церквей и забвения религиозной морали во многих странах Европы набожность мигрантов оказывается основой их самобытности, их силы и, разумеется, усиливает ощущение угрозы. Есть шутка, близкая к истине, о том, что новый Папа Римский стремится обеспечить католичеству ту роль, которую в мусульманском обществе играет ислам. Что-то подобное можно увидеть и в России.

Есть еще одна сторона присутствия мигрантов, важная для России, хотя и не только для нее. Существующая весьма сильная ностальгия по Российской—Советской империи могла бы несколько утешиться тем, что присутствие мигрантов, которые как раз и происходят из бывших частей империи или из стран ее влияния (Афганистан), в какой-то мере воссоздает и сохраняет старые связи. Представляется, что это полезно и хорошо во многих случаях. Именно эту черту можно использовать для возрождения диалога культур, присущего империям. Он может воссоздать некое ощущение комфорта взаимного общения на общем языке культуры между бывшими окраинами и центром.

Здесь очень хорошую роль могли бы сыграть учреждения культуры.

Прекрасный пример дает нам Британия и Британский музей. В нем, как известно, собраны памятники искусства и культуры со всего мира.

Так получилось, что в сегодняшнем Лондоне, мировой столице мигрантов, живут большие и очень большие общины выходцев со всего света. И именно здесь, благодаря музею, им удастся не просто сохранять связи с собственным культурным наследием, но и знакомиться с ним лучше, чем это было бы у них на родине. Музей учитывает эту новую и необыкновенно широкую аудиторию в своей работе. С учетом носителей культуры создаются постоянные экспозиции. К примеру, в экспозицию исламского искусства включаются экспонаты из современности, работы современных мастеров, творящих в традиционном русле. Создана новая современная интерактивная экспозиция культуры Африки. Многие временные выставки учитывают наличие тех или иных общин и их культурных интересов. Их представители привлекаются к посещению выставок, и носители соответствующих культур составляют значительную часть посетителей временных экспозиций близкой им тематики.

При этом не происходит никакого заигрывания с национальными предрассудками или капризами. Выставки делаются в русле старой академической музейной традиции, без поверхностной актуальности. Таким образом, научный европейский подход к мировому культурному наследию прививается множеству носителей различных культур. Британский музей проводит также большую работу по подготовке на основе британских традиций местных специалистов

по археологии, истории и музейному делу, помогает развитию и созданию новых музеев в тех странах, культуру которых музей представляет в Европе. Музей организует множество просветительских, а также торжественных и праздничных мероприятий, ориентированных на общины мигрантов, проживающих в Лондоне. Среди них — даже разные религиозные праздники из далеких культур.

Этот яркий пример — лишь один из многих. Энциклопедические музеи играют универсальную и многоликую роль. Среди этих ролей — просвещение иммигрантов и создание для них комфортной культурной среды. В России издавна существуют практичные и проверенные временем традиции сосуществования и культурного взаимодействия разных народов. Эти традиции продолжают и российские музеи. Особую роль в этом играют Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), Российский этнографический музей. Само собой разумеется, что эту обновленную имперскую функцию выполняет и Государственный (императорский) Эрмитаж. Многие народы десятилетиями гордились тем, что памятники их культурного наследия хранятся в Эрмитаже. Через Эрмитаж они становятся доступными и почи-

таемыми всеми. Одновременно Эрмитаж дает возможность видеть эти культуры в мировом контексте. И наконец, что особенно важно сегодня, мигранты, живущие в России, могут в Эрмитаже не просто ознакомиться с собственной культурой, которая часто едина для многих сегодня разделенных границами областей. Они постоянно чувствуют свои связи с культурным наследием, возобновляют это ощущение, воспитывают историческую память у своих детей. Иногда для этого не хватает четкой организации экскурсионных курсов и событий. Они добавляются к тому огромному культурному удовольствию и знанию, которое несут не только туристам, но и «новым петербуржцам» экспозиции культуры Сибири, Средней Азии, Кавказа, памятники культуры Китая, Японии, а также древней и средневековой Руси, Хазарии, Золотой Орды, скифов, сарматов и варягов.

Музеи постоянно наращивают просветительскую и воспитательную роль. Переоценить их значение невозможно для знающих людей. Незнающие же часто не понимают того, что музейное дело не только важно, но и могло бы спасти страну от многих сегодняшних и будущих неприятностей и истерик. Объяснить это — еще одна из целей диалога культур.